

АНГЕЛЫ — ДЕМОНЫ

— Как Чехов и Книппер познакомились? Это была любовь с первого взгляда?

— В 1898 году Антон Павлович посетил репетицию спектакля «Царь Федор Иоаннович» в ново-рожденном театре Станиславского и Немировича. Ему понравилась: «Ирина, по-моему, великолепна. Голос, благородство, задушевность, так хорошо, что даже в горле чешется. Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину». Так он увидел на сцене Ольгу Леонардовну Книппер, молодящуюся 30-летнюю барышню, которая играла роль жены слабоумного царя Федора. Он тогда еще не знал, что между актрисой на сцене и этой же актрисой в жизни — огромная пропасть. Что благородство и задушевность — это всего лишь показные, отрепетированные «чувства» для создания сценического образа роли, что в рабочем багаже артистов богатая палитра разных красок для изображения на сцене как ангелов, так и демонов. Он приглашает Книппер в Мелихово, и она три дня гостит в его доме. Летом 1899 года, списавшись, они вместе на пароходе приплывают из Новороссийска в Ялту. Из Ялты тоже вместе возвращаются в Москву. И здесь артист МХТа, земляк писателя по Таганрогу Георгий Вишневский разоблачает ее: «Сейчас здесь сидит злосчастная Книппер с пустотой в голове и в сердце и с большими синяками под лукавыми глазами». Можно не объяснять Чехову отчего у барышни с пустой головой и сердцем большие синяки, а вот почему Книппер выразилась по его адресу: «Не говорите мне об этом мерзавце», Антон Павлович не понял. Не поняли и мы, пока не узнали от художницы Дроздовой, что, по словам Книппер, она любит Владимира Ивановича Немировича. Но в театре это не тайна. Всем было известно, что на сцену МХТа она попала через спальню директора театра — Немировича.

— А как Чехов относился к этому?

— Подтрунивал... В первую годовщину Художественного театра Чехов пишет сестре: «Кланяйся Владимиру Ивановичу и Ольге Леонардовне и их «годовалому ребенку». И предлагает замечательную идею: «Если бы вы все приехали весной в Ялту, играли бы здесь и отдыхали». Идея понравилась. Руководители театра приняли решение ехать в Ялту, показать больному драматургу постановку его пьес «Дядя Ваня» и «Чайка» и уговорить написать новую пьесу. Книппер после этих «гастролей» уехала обратно в Москву вместе с театром. Но затем, тщательно продумав стратегию обольщения, вновь вернулась в Ялту.

«МОЛОДЕЦ, БАБУСЯ!»

— Получается, она не упустила шанс...

— Конечно. Не надо преуменьшать практичность и расчетливость ее ума.

Вот только смущали удивленные, растерянные глаза матери и сестры Чехова, которые с изумлением встречали ее поутру, когда она, крадучись, выбиралась из спальни брата. Она уехала из Ялты в звании «подпольной невесты» и в Москве получила от него письмо с новым обращением: «Милая моя, Оля! Радость моя, здравствуй!». Первый этап «необыкновенной любви» актрисы к «крепостному» драматургу завершен. Теперь он, как порядочный человек... сел писать пьесу «Три

сестры», где центральная роль ангажирована ею — Книппер.

— Что было потом?

— Потом была долгая, в полтора года, борьба актрисы за честь носить фамилию Чехова. Книппер начала с настойчивых намеков: «Думала и о тебе, и о себе, и о будущем... Мы так мало с тобой говорили, и так все не ясно. Ты этого не находишь?».

Он этого не находит, он занят пьесой — творит новый шедевр.

«Будь здорова, милая немочка, не сердись на меня, не изменяй мне». «Ты ходишь с Вишневским в оперетку? Гм...». Но Книппер нужна определенность: «Ах, для меня все так смутно, смутно...» (то есть женился бы ты, старый черт, скорее!).

Чехов не реагирует на намеки

и даже подтрунивает: «Ты редко пишешь мне, это я объясняю тем, что я уже надоел тебе. За тобой стали ухаживать другие. Что ж, молодец, бабуся! Целую ручку!».

Книппер взрывается: «Отчего ты не едешь, Антон? Или ты меня знать не хочешь, или тебе тяжела мысль, что ты хочешь соединить свою судьбу с моей? Так напиши мне все это откровенно. Между нами все должно быть чисто, ясно, мы не дети с тобой».

Антон Павлович разъясняет: «По письму твоему судя, в общем ты хочешь и ждешь какого-то объяснения, какого-то длинного разговора — с серьезными лицами, с серьезными последствиями; а я не знаю, что сказать тебе, кроме одного, что я уже говорил тебе 10 000 раз и буду говорить, вероят-

но, еще долго, т.е. что я тебя люблю и больше ничего. Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству».

«НУ, ЛАДНО, ИЗМЕНЯЙ...»

— Ведь он был тяжело болен...

— У него была открытая форма туберкулеза. Это известно всей России и Книппер тоже.

О какой женитьбе может идти речь с актрисой, не способной стать ему близким, родным человеком? Он это знал, чувствовал. Он с матерью в Ялте, она — с театром в Москве. Семья и-богема. Они живут в разных мирах. Есте-

ЖЕНЩИНА,
ПОГУБИВШАЯ ЧЕХОВА«ЕСЛИ БОИТЕСЬ ОДИНОЧЕСТВА —
НЕ ЖЕНИТЕСЬ»

Антон Павлович Чехов в молодости пользовался ошеломляющим успехом у женщин. Но самый звездный писатель России, высокий, длинноногий красавец с лучистыми глазами и роскошным, рококошным басом, не был ни Дон Жуаном, ни Ловеласом. В 35 лет он писал Суворину:

«Фю- фю! Женщины отнимают молодость только не у меня. В своей жизни я был приказчиком, а не хозяином, и судьба меня мало баловала. У меня было мало романов и я так же не похож на Екатерину, как орех на броненосец. Я чувствую расположение к комфорту, разврат же не манит меня». Он говорил, что держится на расстоянии пушечного выстрела от замужних дам. Богема тоже пугала его. И все-таки он попал в эту яму. Жозефина Буль, автор новой книги, готовящейся к изданию, раскрывает любопытные факты загадочной и противоречивой истории любовных отношений и кратковременного брака Чехова с Ольгой Леонардовной Книппер, которые ускорили смерть писателя.

ственно, он всячески уклонялся от женитьбы! При встрече с Бунным задает ему один и тот же мучающий его вопрос: «Вы бы женились на актрисе?». Бунин, зная о ком идет речь, деликатно молчал. «А что, Владимир Александрович, — спрашивал Чехов Поссе, — могли бы вы жениться на актрисе?». Собеседник растерялся: «Право, не знаю. Думаю, что мог бы». «А я вот не могу!». И в голосе Антона Павловича собеседнику слышалась резкая нота. Видно, не без борьбы, пишет Поссе, пришел Чехов к решению жениться. Да, он не спешит...

7 марта 1901 года Антон Павлович сообщает Книппер: «... Я получил анонимное письмо, что ты в Питере кем-то увлеклась, влюбилась по уши. Да я и сам давно уже подозреваю... Я ведь тебя люблю... Знай это...».

Она весело отвечает: «Я увлекаюсь и изменяю тебе на каждом шагу — это верно. На то я человек и женщина». Ответ Чехова на ее письмо совсем не весел: «Ты изменяешь мне, потому что, как ты пишешь, ты человек и женщина. Ну, ладно, изменяй... Я старичок, нельзя не изменять. Это я очень хорошо понимаю. И если я сам изменю тебе как-нибудь нечаянно, то ты извинишь, так как поймешь, что седина в бороде, а бес в ребро. Не так ли?».

Он был старше ее на восемь лет, но: «Чем старше я становлюсь, тем чаще и полнее бьется во мне пульс жизни». Между тем в каждом письме Книппер одна навязчивая тема: «Обвенчаться!» «Привози свои бумаги, чтобы мы скорее могли перевенчаться — это очень просто и живо. Надоели мне кусочки, хочу полноты!». Если бы он знал, каким одиночеством обернутся для него эти призывы «к полноте»! Через полгода после женитьбы он напишет: «Как я буду лежать в могиле один, так, в сущности, я и живу одиноким».

«САМОУБИЙСТВО
ХУЖЕ САХАЛИНА»

— Есть авторы, которые повторяют слова молодого Чехова о том, что «жена, как луна, должна появляться на его небе не каждый день». Что скажете?

— Что у них отсутствует чувство юмора, присущее Чехову. На этот вопрос Антон Павлович ответил сам: «Я литературу совсем бросил, а когда женюсь на тебе, то велю и тебе бросить театр, и будем жить вместе, как плантаторы. Не хочешь?». Через шесть месяцев после женитьбы он вновь возвращается к этому спасительному для его жизни и здоровья, плану: «... если бы я теперь бросил литературу и сделался садовником... то это прибавило бы мне десять лет жизни!» Как врач он прав. Но вопрос замены экстремальной обстановки, созданной женитьбой, на спокойные, санаторные условия, продлившие бы ему жизнь, Книппер даже не обсуждала. Он попал в очень жесткие руки и был вынужден подчиниться, действительно став приказчиком жены.

— Когда же они обвенчались?

— 25 мая 1901 года Евгения Яковлевна Чехова получила телеграмму: «Милая мама, я жениюсь. Все останется по-старому». В этот же день Чехов и Книппер (теперь с двойной фамилией Книппер-Чехова) уехали в Аксеново «на кумыс». Свадебное путешествие в санаторий для туберкулезных больных... Началась эпистолярная супружеская жизнь. Бунин, узнав, что Чехов женился, откликнулся: «Это самоубийство хуже Сахалина». Лечащий врач

Чехова Альтшуллер, узнав об этом событии, был потрясен, понимая, что женитьба принесет скорую, неминуемую развязку. В письме к Потапенко Чехов сообщает: «Впрочем, я женился... Но в мои годы это как-то не заметно, точно лысинка на голове». Унылое безразличие. Начались постоянные, в любую погоду, вызовы в Москву. Из поездок он возвращался больным, с плевритами, температурой, с усилившимся кашлем и кровотечениями. Врач Сулержицкий, приехав осенью 1902 года в Ялту, застаёт Чехова в тяжелом состоянии. От Книппер на просьбы приехать хоть на два-три дня больной получает издевательские отписки: «Дусик, брось хандрить, не стоит. На январь возьми да приезжай». Она прекрасно знает, что он болеет от поездок в Москву! Возмущенный Сулержицкий не выдерживает: «Не забывают, что он не только муж Ваш, но и великий писатель».

ВОСЕМЬДЕСЯТ СТУПЕНЕК

— Она не приехала...

— Нет! Ревнивый Немирович не отпускает ее. Сестра, узнав о тяжелом состоянии брата, бросилась в Ялту, наладила кормление, диету, и — о чудо! — Альтшуллер поражен: «Я раньше никогда не видел, что он столько и с такой охотой ел. Результат сказался сейчас же. Его внешний вид и настроение изменились. Все это лишний раз показало мне, как быстро он оправляется при сколько-нибудь правильном режиме и уходе». Однако Книппер, вызывая Чехова в Москву, старалась устранить заботу врача о здоровье больного. «Мой враг», — называла она Альтшуллера. Впрочем, врагами она так же считала сестру и мать мужа. Начала говорить Чехову о разводе. Чехов в тревоге: «Ты пишешь, что нам пора разлучаться, что ты чего-то не понимаешь во всем... не расходишь со мной так рано, не поживши как следует, не родивши мне мальчишку или девочку. А когда родишь, тогда можешь поступать как тебе угодно». Но ребенка никогда не будет. Веселая гастрольная жизнь в Петербурге, еженощные пьянки, тугой корсет, прыжки по ступенькам, но главное — слухи о приглашении Станиславским артистки императорского театра Комиссаржевской («на Книппер плохая надежда»)... Ребенок мешает сцене! А Чехов, зная о беременности жены, волнуется: «Ты до 8 часов утра сидела в ресторане. Беспутная жена моя, посиди дома хоть одну недельку и ложись спать вовремя. Меня ужасно мучает ревность, жене своей я не верю».

В конце марта 1902 года у Книппер произошел выкидыш. Комментарии излишни.

Чехов замкнулся, посуровел. Лето 1903 года он посвятил работе над «Вишневым садом», но осенью его не перестает лихорадить. Один плеврит следует за другим. Ему очень плохо, и впервые терпеливый Чехов говорит, как трудно ему дописывать и переписывать «Вишневый сад». Работает лежа, с температурой. Театр и актриса торопят: «Скорей, скорей!». Для подстегивания драматурга к нему отправляют Книппер. И «любящая» жена шлет отчеты начальству: «Он работает теперь каждый день; только вчера и сегодня нездоров и потому не пишет». «Не волнуйтесь —

теперь сел уже и будет писать». Потрясает его стон: «Как мне было трудно писать пьесу!». Этого надругательства над гением ни Книппер, ни Станиславскому с Немировичем простить невозможно.

К приезду мужа в Москву Книппер сняла квартиру на высоком третьем этаже без лифта с лестницей в 80 ступенек! «Подниматься для меня — это труд великомученический». Он, задыхаясь, тяжело повисал на перилах. Книппер ворковала: «Будешь отдыхать на поворотах, а шнап (собака) будет утешать тебя. Я буду тебе глупости говорить». Тру-ля-ля!

«Я УМИРАЮ»

— А что говорили врачи?

— Альтшуллер волновался: «Я как врач не могу не думать о том, какое роковое влияние эта лестница должна была оказать на его

и так уже ослабевшее сердце».

О пребывании Антона Павловича в Москве вспоминал Бунин: «Ежедневно, по вечерам я заходил к Чехову. Каждый вечер Ольга Леонардовна уезжала в театр или отправлялась на какой-нибудь благотворительный концерт. За ней заезжал Немирович во фраке, пахнувший сигарами и дорогим одеколоном, а она в вечернем туалете, надушенная, красивая, молодая, подходила к мужу со словами: «Не скучай без меня, дусик, впрочем, с Букишончиком тебе всегда хорошо... До свидания, милый, обращалась она ко мне. Часа в четыре, а иногда совсем под утро, она возвращалась, пахнувшая вином и духами. Я быстро вставал и прощался...». Кроме Бунина у него дежурили по ночам Гиляровский, Щепкина-Куперник, которая вспоминала о том, как, глядя на уходящую нарядную пару — Немировича и

свою жену рядом с ним, Чехов тихо сказал: «Да, кума... умирать пора». Ему осталось жить пять месяцев.

— Но жена повезла его лечиться за границу на специальный курорт...

— Да, это так. Книппер, по совету своего семейного врача Таубе, повезла Чехова в Баденвейлер, немецкий курорт для сердечников....

— Зачем? Ведь у Чехова был туберкулез...

— Он был больше не нужен. На курорте Антон Павлович непрерывно кашлял, его гнали из всех отелей. Только в третьем отеле, Sommer, ему разрешил жить доктор Шверер.

— А как его там лечили?

— Никак. Было поздно. Он просто умирал.

15 июля 1904 года около часа ночи он проснулся, попросил послать за доктором. Пришел Шверер. «Я умираю», — сказал ему по-немецки Чехов. Доктор сделал укол камфоры, попросил прислугу принести шампанское, такова традиция медиков. Антон Павлович взял полный бокал, улыбнулся и сказал: «Давно я не пил шампанское». Выпил до дна, повернулся на левый бок и затих. Было три часа ночи...

Трагический конец. Переживали все: современники писателя, его друзья. Плакала вся Россия. В день похорон шел дождь. Лечащий врач Чехова Альтшуллер вспоминал: «Больно угнетало сознание, что эта преждевременная смерть не была неизбежной, ... а в значительной мере явилась следствием неблагоприятно сложившихся обстоятельств». Так деликатно назвал врач женитьбу Чехова, не желая конфликтов с действующими лицами этой трагедии, которые были еще живы, когда он писал эти строки... Здесь самое время вспомнить мнение самого Чехова: «Если боитесь одиночества — не женитесь».

Беседовала
Любовь
ПАВЛОВА

Владимир Иванович
Немирович-Данченко.
1898 г.

Этого
надругательства
над гением
ни Книппер,
ни Станиславскому
с Немировичем
простить
невозможно.

